

которые записаны в Конституции, я имею в виду Бориса Ивановича Осминина из Государственно-правового управления Президента, который очень много работал над проектом Закона о международных договорах. Как вы знаете, этот закон вступил в силу 21 июля этого года. И в этом законе есть положения, развивающие положения Конституции, касающиеся примата международного права и действия норм международного права на территории России. В частности, в этом законе вводится, по существу, понятие самоисполнимых международных договоров. Этого не было в советском законодательстве. Более того, как мы помним, советское законодательство категорически отрицало возможность прямого применения норм международного права на территории нашей страны.

Знаю, что до сих пор далеко не все юристы согласны с этой концепцией и, например, профессор Евгений Трофимович Усенко придерживается другой точки зрения. Но каждый имеет право на свою точку зрения.

Хотел бы сказать еще о вопросе признания в международном праве, и это имеет отношение и к праву на самоопределение, которое здесь уже затрагивалось. В этой аудитории, естественно, нет смысла рассказывать о декларативной и конститутивной теориях признания. Это всем известно. Но хотел бы напомнить, что традиционная советская доктрина, отечественная доктрина и практика исходили из декларативной теории, из того, что акт признания со стороны других членов международного сообщества не имеет принципиального значения для становления международной правосубъектности. Считалось, что достаточно государству образоваться, как-то конституироваться, провозгласить суверенитет и независимость, и оно становится субъектом международного права.

Полагаю, что современная международная практика, в том числе и российская, не подтверждает этот тезис. Думаю, что именно признание, причем не со стороны отдельного государства, а со стороны международного сообщества как такового в целом, делает образование, претендующее на статус государства, действительно субъектом международного права. И за примерами не надо далеко ходить. Таких примеров можно привести около десятка. И наоборот, без такого признания, даже если есть признание со стороны одного-двух государств, можно бесконечно долго провозглашать независимость и суверенитет, но это так и останется пустой декларацией.

Именно правообразующая, креативная функция признания относится и к таким связанным с преобразованием или образованием государств явлениям, как правопреемство и продолжительность. Можно сколько угодно провозглашать себя продолжателем, но если

нет признания этого со стороны международного сообщества, то и продолжательства не получается. И наоборот, если международное сообщество признало какое-то государство в качестве продолжателя, то возражения со стороны отдельных государств, одного-двух-трех, не могут оказать воздействия на это признание.

С удовлетворением отмечаю, что в нашей доктрине в последнее время появились статьи и высказывания, по-новому оценивающие значение признания в международном праве. У профессора Хлестова есть публикации на эту тему, так же как и у профессора Вельминова.

И для того, чтобы закончить, хотел бы затронуть один вопрос, который должен был бы, наверное, обсуждаться в рамках рассмотрения вопросов международного частного права. Это вопрос о юрисдикционных иммунитетах государств.

К сожалению, работа, которая проводилась в рамках ООН, сейчас несколько застопорилась. Проект конвенции о юрисдикционных иммунитетах, который был подготовлен Комиссией международного права, несколько раз рассматривался на специальных группах, созданных в рамках Шестого комитета, и пока как-то завис. Тем не менее для России вопрос юрисдикционного иммунитета государства имеет непосредственное практическое значение. В современном гражданском законодательстве России по существу мы отошли от концепции абсолютного иммунитета государства. Но это больше вопрос не материального гражданского права, а процессуального права. Эта норма содержалась в советском процессуальном законодательстве. И эта норма, предусматривающая абсолютный иммунитет государства, до сих пор содержится в Основах гражданского судопроизводства.

Но, с моей точки зрения, дальнейшее отстаивание этой концепции вступает в противоречие со всей философией и идеологией, если хотите, рыночных преобразований, которые имеют место в России. Знаю, что в плане законодательных работ Государственной Думы записана разработка проекта закона об иммунитете государства.

Наши юристы-международники должны были бы уделить этому вопросу серьезное внимание, с тем чтобы перейти на те позиции, которых придерживается большинство демократических цивилизованных государств с рыночной экономикой. Такие попытки уже были предприняты: в инициативном порядке была подготовлена концепция проекта закона. К сожалению, пока наше законодательство здесь остается неразработанным.

Международная безопасность

ПАРИЖСКО-ДЕЙТОНСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ: НОВЕЛЛЫ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ДОГОВОРНОЙ ПРАКТИКЕ

В.А. Романов *

“О соглашениях по урегулированию в Боснии, заключенных в Дейтоне, следует говорить без громких слов. В конфликтах, подобных боснийскому, чудес не бывает. Они имеют вековую историю и такие напластования взаимных обид, что если бы была магическая формула их разрешения, то ее давно нашли бы и без нас. То, чего удалось добиться в Дейтоне, — это искусство возможного...”¹.

И.С. Иванов,
первый заместитель
министра иностранных дел РФ

Дейтонские соглашения о мире в Боснии и Герцеговине, направленные на урегулирование длившегося почти четыре года самого масштабного со времени второй мировой войны вооруженного конфликта в Европе, вовлекшего в свою орбиту кроме боснийских сторон также Союзную Республику Югославию (СРЮ) и Хорватию — три из пяти республик, образовавшихся на месте бывшей СФРЮ, имеют крупное умиротворяющее значение для судеб народов и новых государств на ее территории, а равно и всего Балканского региона. Они также призваны играть стабилизирующую роль в контексте поддержания европейской да и международной безопасности, являясь альтернативой тем новым вызовам и угрозам, с которыми сталкивается человечество, таким как локальные и реги-

* Чрезвычайный и Полномочный Посланник, профессор кафедры международного права МГИМО, вице-президент Московского независимого института международного права (подробно об авторе см. № 1 за 1994 г. нашего журнала).

ональные конфликты, агрессивный национализм, воинствующий сепаратизм, грубые массовые нарушения прав человека.

Характерным для Дейтонских соглашений является то, что в заключение этих документов были вовлечены не только их стороны, но и такие державы, как Россия, США, Великобритания, Франция, Германия, а также Евросоюз, засвидетельствовавшие подписание соглашений в Париже 14 января 1996 г. подписями своих руководителей. Не менее существенной особенностью является и то, что в реализацию Дейтонских соглашений вовлечены державы политической “восьмерки”, занимавшиеся вопросом о Боснии и выполнении соглашений на своем саммите в Йемене в июне 1996 года, а также значительное число крупных международных и региональных структур, начиная с ООН, ее Совета Безопасности и учреждений ее системы и кончая ОБСЕ, НАТО, ЕБРР, ОИК и др.

Благодаря всему этому сделаны первые шаги по проведению соглашений в жизнь: не только закреплено прекращение военных действий в Боснии и осуществлены обусловленные жесткими сроками меры по нормализации военной обстановки в стране, но и проведены выборы в ее центральные органы власти, идет возвращение беженцев и т.д.

Но для полной реализации Дейтонских соглашений, особенно их политической составляющей — гражданских мер имплементации, предстоит сделать еще очень много, что потребует и немало времени: некоторые предусмотренные ими меры, например функционирование ряда созданных по соглашениям комиссий, рассчитаны на пять лет. Судя по всему, жизнь заставит дорабатывать многие аспекты выработанных соглашений. В процессе реализации потребуется не только в полной мере использовать весь предусмотренный ими механизм, но и воздействовать на этот процесс при помощи такого инструментария, который формально не вплетен в ткань соглашений, как Контактная группа, Совет по реализации мирных соглашений, его Руководящий комитет, не говоря уже о Совете Безопасности ООН, которому предстоит решать вопрос о продлении пребывания в БиГ Сил по выполнению соглашений, когда такой вопрос встанет в повестку дня.

Развернутая характеристика роли и места Дейтонских соглашений в широком международном плане — это тема для самостоятельного исследования. В настоящей статье речь идет об этих соглашениях как об актах международного права, об их особенностях с точки зрения международной договорной практики и международно-правового регулирования постконфликтных отношений с участием сторон, не являющихся государствами, о неординарности

соглашений и о сочетании в них традиционных приемов договорно-правовой регламентации с целым рядом новелл в этой области.

Но сначала следует сказать о том, что представляют собой Дейтонские соглашения.

Они изложены не в качестве единого документа, а воплощены в комплексе договорных актов и иных связанных с ними документов по различным вопросам урегулирования. Фокусируется этот комплекс, логически и юридически как бы приводится к общему знаменателю в Общем рамочном соглашении о мире в Боснии и Герцеговине, выработанном на “непрямых”, как их официально назвали, переговорах в Дейтоне (Огайо, США) и парафированном там же 21 ноября 1995 г., а затем, как уже указывалось, подписанном в Париже от имени Боснии и Герцеговины, Союзной Республики Югославии и Республики Хорватии, что было засвидетельствовано подписями глав государств или глав правительств Контактной группы.

В качестве Приложений к Рамочному соглашению фигурируют еще 12 соглашений, которые боснийско-югославские стороны Рамочного соглашения “приветствуют и одобряют”²: Соглашение о военных аспектах мирного урегулирования; Соглашение о стабилизации в регионе; Соглашение о линии разграничения между образованиями и связанных с этим вопросах; Соглашение о выборах; Конституция Боснии и Герцеговины; Соглашение об арбитраже; Соглашение по правам человека; Соглашение о беженцах и перемещенных лицах; Соглашение о Комиссии по охране национальных памятников; Соглашение об учреждении публичных корпораций Боснии и Герцеговины; Соглашение об осуществлении гражданских аспектов мирного урегулирования; Соглашение о специальных международных полицейских силах.

К комплексу Дейтонских соглашений следует отнести также ряд других документов, хотя они не фигурируют в качестве приложений к Общему рамочному соглашению. Речь идет о Соглашении о парафировании Общего рамочного соглашения, о письмах руководителей СРЮ и Хорватии на имя министров иностранных дел России, США, Великобритании, Франции и Германии, об их письмах на имя Генерального секретаря ООН, а также временно исполнявшего тогда обязанности Генерального секретаря НАТО и о ряде других документов; следует также упомянуть соглашения между СРЮ и НАТО о механизмах транзита для операций по мирному плану и между Хорватией и НАТО о статусе НАТО и ее персонала; эти два соглашения трактуются как отдельные; Соглашение между БиГ и НАТО о статусе НАТО и ее персонала — как Добавление к Соглашению о военных аспектах.

I. Основные аспекты и компоненты мирного урегулирования

Анализу существа Дейтонских соглашений, учитывая, что речь идет об урегулировании конфликта, происходившего в Боснии и Герцеговине и вокруг нее, необходимо предпослать несколько соображений о том, как трактуется в соглашениях само это государство в плане предусмотренного соглашениями его статуса, международно-правового и во внутреннем праве.

Выработанная в результате договоренностей в Дейтоне Конституция БиГ провозглашает, что Республика Босния и Герцеговина, официально именуемая “Босния и Герцеговина”, “продолжает свое юридическое существование в соответствии с нормами международного права в качестве государства с внутренней структурой, измененной настоящей Конституцией в рамках нынешних международно признанных границ”: в ее преамбуле подчеркивается приверженность страны принципам “суверенитета, территориальной целостности и политической независимости Боснии и Герцеговины в соответствии с нормами международного права”. Ссылка на эти принципы неоднократно фигурирует и в соглашениях, выработанных в Дейтоне.

С многонациональным составом населения страны связано то положение Конституции, согласно которому Республика Босния и Герцеговина состоит из двух образований (entities) — Федерации Боснии и Герцеговины (или Мусульмано-Хорватской Федерации) и Республики Сербской. Хотя оба эти образования Конституцией и соглашениями наделены определенными атрибутами государственности, Конституция прямо не трактует их как государственные образования, а в резолюции Совета Безопасности ООН они рассматриваются как communities³.

В контексте охарактеризованной выше преемственности (“продолжает свое юридическое существование”) в Конституции констатируется, что БиГ остается членом ООН и может сохранять свое членство в организациях ее системы и других международных организациях или подавать заявления о вступлении в них.

Наконец, к характеристике статуса БиГ как субъекта международного общения и международного права имеет отношение еще одно обстоятельство: хотя Дейтонские соглашения являются соглашениями о мирном урегулировании, а не об отношениях между их экс-югославскими участниками, эту последнюю сферу они все же затрагивают, главным образом в Рамочном соглашении. В нем сказано, что стороны будут осуществлять свои отношения в соответствии с принципами Устава ООН, а также Заключительного акта и

других документов ОБСЕ. В особенности они будут полностью уважать суверенное равенство друг друга; разрешать споры мирными средствами и воздерживаться от любого действия путем угрозы или использования силы против территориальной целостности или политической независимости БиГ или любого другого государства. Интересно отметить, что аналогичного обязательства со стороны БиГ по отношению к ее партнерам по соглашению не зафиксировано. Общее рамочное соглашение предусматривает, кроме того, что Союзная Республика Югославия и Республика Босния и Герцеговина признают друг друга в качестве суверенных независимых государств в рамках своих международных границ⁴. Предусмотрено также, что “дальнейшие аспекты их взаимного признания будут подлежать последующим обсуждениям” *.

Переходя к анализу того круга вопросов, которые в Дейтонских соглашениях охватываются понятием “мирное урегулирование” (в Рамочном соглашении применяется более широкое понятие “о мире в Боснии и Герцеговине” и говорится о “всеобъемлющем урегулировании”), можно разделить весь комплекс этих соглашений на те, которые касаются военных аспектов урегулирования, включая военно-политическую стабилизацию в регионе и вопросы территориального разграничения между составными частями БиГ, и те, которые трактуют как бы гражданские, невоенные аспекты функционирования боснийского государства и его составных частей.

А. Военные аспекты мирного урегулирования. Меры контроля над вооружениями и укрепления доверия в регионе

Эти аспекты урегулирования поставлены в Дейтонских соглашениях на первое место и им посвящены специальные соглашения.

Соответствующие положения Соглашения о военных аспектах мирного урегулирования, сторонами которого являются БиГ и ее составные части — МХФ и РС, направлены прежде всего на за-

* В начале октября 1996 года в Елисейском дворце в Париже в присутствии Президента Франции Ж.Ширака Президент Сербии С.Милошевич и Президент Боснии и Герцеговины А. Изетбегович подписали совместную декларацию и договорились об установлении дипломатических отношений на уровне посольств между БиГ и СРЮ. Они договорились также о содействии их государств экономическим обменам и восстановлению воздушно-го и железнодорожного сообщений и по ряду других вопросов двусторонних отношений (см. “Известия”. — 1996.— 5 окт.).

крепление состояния прекращения военных действий, достигнутого по соглашению от 5 октября 1995 г., и решение связанных с этим вопросов. Предусматривается обязательство сторон соблюдать это прекращение и “продолжать воздерживаться от всех наступательных операций друг против друга”; при этом под наступательной операцией понимается “действие, которое включает проекцию сил или огня за пределы собственной линии стороны”. Каждая из сторон обязуется обеспечить, чтобы весь персонал и организация, обладающие военным потенциалом, включая вооруженные гражданские группы, национальную гвардию, армейские резервы, военную полицию и отряд полиции особого назначения МВД, соблюдали соглашение. Все вооруженные гражданские группы подлежали разоружению и роспуску. Все силы в БиГ, не являющиеся силами местного происхождения, подлежали выводу с территории БиГ. В частности, выводу подлежали “все иностранные силы, включая выступающих в индивидуальном порядке советников, борцов за свободу, инструкторов, добровольцев и персонал из соседних и других государств. Соглашением предусматривалась передислокация собственных сил сторон за пределы зоны разъединения шириной четыре километра. Для Сараево и Гораджа в соглашении были установлены специальные дополнительные положения о передислокации.

Центральное место в Соглашении о военных аспектах занимают положения, касающиеся Многонациональных сил по его выполнению — СВС/IFOR.

Обращают на себя внимание те процедуры, с помощью которых эти силы были учреждены. В соглашении со ссылкой на необходимость обеспечить “эффективное осуществление” его положений и их “соблюдение” Совету Безопасности ООН было предложено “уполномочить государства-члены или региональные организации и соглашения создать СВС”, в состав которых могут входить сухопутные, морские и воздушные подразделения “государств—членов НАТО и государств, не являющихся членами НАТО”. Совет Безопасности ООН 15 января 1996 г. принял решение (резолюция 1031), которым он уполномочил государства—члены ООН, “действующие через или в сотрудничестве с организацией”, упомянутой в Соглашении о военных аспектах, “создать Многонациональные силы выполнения (СВС) под объединенным командованием и контролем” для осуществления задач, предусмотренных в Соглашении о военных аспектах и в Соглашении о линии разграничения между МХФ и РС³.

Нельзя не видеть внутренней противоречивости положений как соглашения, так и резолюции Совета Безопасности относительно

характера и статуса сил выполнения с точки зрения параметров, обусловливаемых Уставом ООН.

С одной стороны, в соглашении говорится о региональных организациях и при этом прямо называется НАТО, а резолюция СБ путем отсылки к соглашению как бы подтверждает, что действовать в Боснии НАТО уполномочивается именно в качестве региональной организации, — и все это дает основание говорить о применимости главы VIII Устава ООН “Региональные соглашения”. С другой стороны, в преамбуле этой же резолюции отмечается, что все воплощенные в ней решения Совет принял, “действуя согласно главе VII Устава”⁶, да и в обращенной к Совету просьбе сторон о создании СВС уточняется: “действующие согласно главе VII Устава”. В целом дело выглядит так, что, вовлекаясь вооруженными силами в урегулирование боснийского конфликта, НАТО озабочена тем, чтобы в конечном счете не подпадать под контроль Совета Безопасности и действие ограничений, обусловленных главой VIII Устава.

Эта последняя предусматривает, что Совет Безопасности не только должен надлежаще уполномочить региональную организацию на военно-принудительные действия, но и обязан руководить этими действиями: согласно Уставу принудительные действия региональных органов, используемых Советом Безопасности, осуществляются “под его руководством”.

Ни в соглашении, ни в резолюции 1031 подобного рода “руководство” не только не предусматривается, но оно подменяется иным: в ст. 1 соглашения речь идет о том, что СВС будут действовать “под руководством, управлением и политическим контролем Североатлантического совета (САС) через командные инстанции НАТО”⁷; и далее: директивы именно Совета НАТО могут привести к учреждению “дополнительных обязанностей и обязательств для СВС при осуществлении положений” соглашения.

Конечно, эти весьма далеко отступающие от Устава ООН формулы некоей “руководящей и направляющей роли” НАТО как-то не вяжутся с тем, что они содержатся в соглашении, которое заключено между Боснией и ее составными частями — Мусульмано-Хорватской Федерацией (МХФ) и Республикой Сербской (РС). И дело не меняется оттого, что соглашение “поддержано” (endorsed) президентами Хорватии и Сербии (последний, представляя и РС, как бы расписался в поддержке самого себя); это, как и вообще чуть ли не наполовину провинциальный уровень, на котором провозглашено притязание на лидерство НАТО, выглядит скорее курьезно, чем серьезно. Но так или иначе, НАТО взяла на себя прерогативу “руководства”, которую по Уставу ООН полагается

осуществлять Совету Безопасности, продемонстрировав и в данном случае нежелание выступать в амплу региональной организации, чтобы не подпадать под соответствующий контроль Совета Безопасности.

В вольном или невольном стремлении оградить НАТО от такого контроля некоторые представители академических кругов Запада идут дальше. Оказывается, что Дейтонскими соглашениями НАТО как таковая не была уполномочена предпринимать или организовывать операцию, о которой идет речь. Она просто была призвана обеспечить инфраструктуру 3 С (command, control, communication and intelligence), а также координацию между государствами—членами ООН, участвующими в СВС, что-де не затрагивает статус НАТО как “соглашения о самообороне”, а не региональной организации, каковой НАТО не является.

Таковы страдающие непоследовательностью положения Соглашения о военных аспектах урегулирования и резолюции СБ по вопросу о статусе участия НАТО в этом урегулировании. И не случайно российское парафирование Общего рамочного соглашения содержало пометку “За исключением названного соглашения”.

В Соглашении о военных аспектах обращают на себя внимание крайне широко сформулированные обязательства самой БиГ и входящих в ее состав образований — МХФ и РС, а также далеко идущие полномочия СВС по обеспечению выполнения этих обязательств.

Общим образом от сторон требуется “как можно скорее восстановить нормальные условия жизни в Боснии и Герцеговине”, добиться “долговременного” прекращения военных действий. Ставится также задача “ввести долговременные меры в области безопасности и контроля над вооружениями”, как они предусмотрены Соглашением о стабилизации в регионе, “цель которых состоит в содействии постоянному примирению между сторонами в достижении всех политических договоренностей, согласованных в Общем рамочном соглашении”.

В контексте этих общих обязательств и их целей предусмотрено, что ни МХФ, ни РС не будут применять силу или угрозу силой против другого образования и ни при каких обстоятельствах вооруженные силы одного из них не будут вступать и находиться на территории другого образования без согласия его правительства и Президентства БиГ.

В соглашении подчеркивается, что внутри Боснии и Герцеговины обязательства “применяются одинаково в рамках обоих образований”. Они несут равную ответственность по соблюдению соглашения “и в равной степени подпадают под такие меры по обеспечению соблюдения со стороны СВС, которые могут потре-

боваться для обеспечения осуществления” соглашения и защиты СВС. Вместе с тем существенно ограничивается реакция сторон на случаи нарушения соглашения какой-либо из них. Им предписано тщательно избегать “ответных мер, контратак или любых односторонних действий в ответ на нарушение соглашения” и добиваться умиротворения через Совместную военную комиссию, учрежденную по соглашению.

Ответственности, полномочиям и функциям СВС посвящено большинство положений Соглашения о военных аспектах. В своем нынешнем виде они рассчитаны на период приблизительно в один год, но уже ясно, что потребуется продление. Повлечет ли оно за собой изменение в статусе СВС — пока говорить рано. По действующему соглашению картина выглядит следующим образом.

В целом полномочия и функции СВС определены как “оказание содействия в проведении в жизнь территориальных и других относящихся к военным делам положений” соглашения. Соответственно среди прав, которыми СВС наделены по соглашению, фигурирует “непререкаемое право осуществлять наблюдение, контролировать и инспектировать любые силы, объекты или деятельность в Боснии и Герцеговине, которые, по мнению СВС, могут иметь военный потенциал”. В соглашении весьма жестко подчеркивается, что “отказ, вмешательство или отклонение любой стороной этого права СВС” “представляют собой нарушение положений” соглашения: “нарушающая сторона может стать объектом военных мер со стороны СВС, включая применение необходимой силы...” Подобного рода формула о возможности применения военной силы столь часто фигурирует в конкретных положениях соглашения, что выглядит просто навязчивой в определении принудительных мер обеспечения его соблюдения.

Крайне авторитарными предстают по соглашению полномочия натовского Командующего СВС. “Стороны понимают и согласны с тем, что он без вмешательства со стороны или разрешения любой из сторон имеет полномочия осуществлять любые действия, которые Командующий сочтет необходимыми и целесообразными, включая применение силы для защиты СВС”. Стороны обязаны “соблюдать во всех отношениях” их требования. По соглашению только Командующий осуществляет контроль за воздушным пространством над БиГ, устанавливает соответствующие правила и в случае необходимости прекращает гражданские воздушные перевозки и небоевые действия в воздухе.

Ко всему этому остается добавить, что “Командующему СВС принадлежит окончательное право на театре действий в отношении толкования настоящего соглашения”, сказано в его ст. XII.

В качестве консультативного органа для Командующего и под его председательством учреждена Совместная военная комиссия в составе старших военных командиров сил каждой стороны и других лиц по определению ее председателя. Каждая сторона может назначать в состав Комиссии двух гражданских лиц, которые действуют в качестве ее советников. Предусмотренный Рамочным соглашением Высокий представитель вправе присутствовать на заседаниях Комиссии и давать ей советы, особенно “по военно-политическим вопросам”. Насколько это возможно, все проблемы в Комиссии решаются оперативно по взаимному согласию. Однако все окончательные решения по военным вопросам принимаются Командующим. Создание военных комиссий предусмотрено и на низовом — бригадном, батальонном или ином — уровне.

Устанавливать отношения СВС имеют право не только с местным военным, но и с гражданскими властями. В рамках поставленных перед ними главных задач СВС “имеют право выполнять вспомогательные задачи”, такие как оказание помощи “в создании безопасных условий для выполнения другими сторонами других задач”, включая свободные и справедливые выборы; помощь организациям в передвижении при осуществлении ими гуманитарных миссий; помощь персоналу Верховного комиссара по делам беженцев и другим международным организациям в осуществлении ими гуманитарных миссий; СВС могут также “обеспечивать и предотвращать воспрепятствование передвижению гражданского населения, беженцев и перемещенных лиц и надлежащим образом реагировать на преднамеренные акты насилия, угрожающие жизни и личной безопасности”.

Предусмотрены в соглашении и другие далеко идущие полномочия и функции СВС, ядром которых являются силы НАТО.

Нельзя не видеть излишества в том, что касается предоставленных соглашением возможностей для осуществления этих полномочий и функций. “СВС имеют полную и беспрепятственную свободу передвижения по земле, воздуху и воде по всей Боснии и Герцеговине, — сказано в ст. VI соглашения. — Они имеют право располагаться биваком, производить маневры, расквартировываться и использовать любые районы или объекты в целях выполнения своих обязанностей”. В этом же плане обращает на себя внимание содержащееся в соглашении положение о том, что СВС и их персонал “не несут ответственности за любой ущерб, нанесенный личной или государственной собственности в результате боевых или связанных с боевыми действий”.

Суровый и жесткий режим военного контроля, конкретные проявления которого стороны как БиГ в целом, так и ее составные части “понимают и согласны”, представляет собой все же нечто

такое, что рассчитано пока, по условиям соглашения, на один год, а если пребывание СВС будет продлено, то только на фиксированное и, надо полагать, на непродолжительное время.

На длительную перспективу, не ограниченную каким-либо сроком, предусмотрен режим “стабилизации в регионе”, пятистороннее соглашение о котором заключено между БиГ, СРЮ, Хорватией, а также РС и МХФ. В этом соглашении стороны выразили свое согласие с тем, что “принятие поступательных мер по обеспечению региональной стабильности и контролю над вооружениями существенно важно для установления стабильного мира в регионе”. Они признали важность разработки “новых форм сотрудничества в области безопасности, направленных на укрепление транспарентности и доверия и на достижение сбалансированных и стабильных уровней сил обороны при максимально низкой численности с учетом соответствующей безопасности и необходимости избежать гонки вооружений в регионе”.

В качестве элементов региональной структуры стабильности стороны одобрили в соглашении три комплекса мер:

- а) меры доверия и безопасности в БиГ, имея в виду, что именно ее районы были ареной военных столкновений;
- б) региональные меры доверия и безопасности;
- в) меры субрегионального контроля над вооружениями.

К первой из этих категорий относится серия мер, которые подлежали согласованию на переговорах между БиГ и ее составными частями под эгидой ОБСЕ с целью укрепления взаимного доверия и снижения опасности возникновения конфликта. Среди таких мер в Соглашении о стабилизации названы ограничения на военные развертывания и учения в определенных районах; запреты на ввод иностранных сил; ограничения на местонахождение тяжелых вооружений; уведомление о некоторых видах планируемой деятельности, включая программы оказания международной военной помощи и программы обучения; обмен данными о запасах пяти категорий вооружений, ограничиваемых договором ОБСЕ; создание миссий связи между Командующими вооруженными силами МХФ и РС.

Меры доверия и безопасности с охватом всего регулируемого региона трактуются в соглашении в качестве дополнения к охарактеризованным выше мерам и сводятся к запретам на ввоз в течение обусловленных в соглашении сроков различных вооружений, включая мины.

Более развернуто в соглашении трактуются “меры субрегионального контроля над вооружениями”. Запланировано проведение под эгидой ОБСЕ переговоров относительно достижения соглашения об уровнях вооружений в пределах уровней численности

личного состава; такое соглашение должно быть основано как минимум на критериях численности населения, размера имеющихся запасов вооружений, потребностей обороны и соотношении между уровнями сил в регионе. Количественные предельные уровни танков, артиллерии, боевых бронемашин, боевых самолетов и ударных вертолетов должны быть установлены соглашением, имея при этом в виду, что будут засчитываться артиллерийские единицы калибра не 100 мм, как в ДОВСЕ, а 75 мм и выше.

Если в течение обусловленного соглашением срока стороны не договорятся о такого рода предельных уровнях, то эти уровни будут определяться по соотношению 5:2:2. При этом запасы СРЮ принимаются за исходный уровень, и предельный для нее уровень составляет 75% от исходного, для Хорватии — 30%, для БиГ — также 30%; уровень БиГ распределяется между МХФ и РС в соотношении 2:1. В целом в соглашении речь идет об установлении “регионального равновесия в бывшей Югославии и вокруг нее”. Переговоры должны были проходить под эгидой форума ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности. Кроме того, стороны согласились создавать комиссии для содействия разрешению споров, которые могут возникнуть*.

* 18 декабря 1995 г. в Бонне прошла конференция по реализации Дейтонских соглашений в части, касающейся мер доверия и контроля над вооружениями в бывшей Югославии. В ней участвовали министры иностранных дел БиГ, СРЮ и Хорватии, члены Руководящего комитета, представители “тройки” ОБСЕ, ЕС, НАТО, ОИК, государств региона, а также в качестве наблюдателей—представители других стран ОБСЕ. Было принято решение об организации двух переговорных форумов — по мерам доверия и безопасности для БиГ и по ограничению вооружений в целом для БиГ, СРЮ и Хорватии.

14 июня 1996 г. на заседании Совета по реализации мирных соглашений, проходившем во Флоренции на министерском уровне, представители БиГ, СРЮ, Хорватии, а также МХФ и РС подписали Соглашение о субрегиональном контроле над вооружениями и шесть протоколов к нему, включая Протокол об инспекциях. Соглашение установило численные параметры наличия в этих странах вооружений, ограничиваемых договором ОБСЕ (боевые танки, боевые бронемашин, артиллерия калибром 75 мм и более, боевые самолеты, ударные вертолеты). Все, что превышало установленные параметры, подлежит уничтожению или переоборудованию для мирных целей. Например, квота Боснии по танкам разделилась между МХФ и РС в пропорции 2:1 и составляет, соответственно, 273 и 137 единиц. Аналогичным образом были установлены лимиты для этих entities по другим видам вооружений. Наибольшие квоты установлены для СРЮ. В качестве мер контроля за соблюдением соглашения предусмотрены мониторинг на месте за уничтожением излишних вооружений, “интрузивный

На сохранение мира и поддержание стабильности в БиГ и на всем пространстве бывшей Югославии направлено заключенное между тремя боснийскими сторонами Соглашение о территориальном разграничении между образованиями и связанных с этим вопросах; оно одобрено также подписями СРЮ и Хорватии. Это соглашение, как и все другие дейтонские договоренности, включая договоренность о Конституции БиГ, исходит из того, что Босния и Герцеговина по-прежнему остается единым государством с международно признанными границами и, как уже указывалось, состоит из двух образований.

В итоге длительного, сложного и зачастую болезненного процесса поисков разграничения соглашением установлена разграничительная линия таким образом, что Мусульмано-Хорватской Федерации отведен 51% территории страны, а Республике Сербской — 49%. Разграничительная линия нанесена на так называемую репрезентативную карту масштаба 1:600 000, являющуюся частью Добавления к соглашению, притом что официальная карта масштабом 1:50000 по ее изготовлению министерством обороны США — по просьбе сторон — будет принята сторонами как неотъемлемая часть Добавления “в качестве контрольной и окончательной для всех целей”. Неустановленным осталось прохождение разграничительной линии в районе Брчко, и спор по этому поводу должен быть урегулирован путем арбитражного разбирательства, которое должно осуществляться в соответствии с известными правилами ЮНСИТРАЛ; на это дан один год с момента вступления соглашения в силу.

Б. Конституционный компонент мирного урегулирования

Выше уже упоминалось о том, что в комплексе Дейтонских соглашений фигурирует Конституция Боснии и Герцеговины, которая, таким образом, является не актом внутригосударственного законодательного процесса, а продуктом международной договоренности, достигнутой в ходе многосторонних переговоров. В Общем рамочном соглашении, одним из Приложений к которому

режим инспекции”, широкий обмен информацией. Для рассмотрения хода выполнения соглашения учреждена Субрегиональная консультативная комиссия. Председательствование в ней основано на ротации между сторонами; однако личный представитель действующего председателя ОБСЕ председательствует на заседаниях Комиссии в 1996 году (*Donna Phelan. The Agreement on Subregional Arms Control of the “Way for Agreement”//United Nations Disarmament. — Vol. XIX. — No. 2. — 1996. — P. 98—103).*

является Конституция, сказано, что стороны этого соглашения, то есть БиГ, СРЮ и Хорватия, “приветствуют и одобряют” достигнутые договоренности в отношении Конституции Боснии и Герцеговины.

Правда, в самой Конституции, точнее в ее преамбуле, указывается, что “настоящим” ее “принимают” “боснийцы, сербы и хорваты как народы (наряду с другими), составляющие население страны, и граждане Боснии и Герцеговины” *. Но это скорее дань общедемократическому постулату о необходимости народного волеизъявления, чем указание на реальный источник происхождения Конституции. В комплексе Дейтонских соглашений фигурируют три односторонних заявления по поводу Конституции: от имени Республики Боснии и Герцеговины, от имени Республики Сербской и от имени “Федерации Боснии и Герцеговины”, как официально именуется МХФ. В двух первых идентичных заявлениях сказано, что соответствующая страна “одобряет Конституцию Боснии и Герцеговины”; в заявлении МХФ сказано, что она делает это “от имени входящих в ее состав народов и граждан”. Все три заявления парафировались, а затем подписывались.

Подробный анализ конституционных положений выходит за рамки темы настоящей статьи, и автор остановится лишь на некоторых моментах.

Провозглашается, что БиГ является “демократическим государством, функционирующим на основе верховенства закона и свободных демократических выборов”. БиГ и образования “не должны препятствовать полной свободе передвижения людей, товаров, услуг и капитала на всей территории Боснии и Герцеговины”. Ни МХФ, ни РС не должны устанавливать “контроль на границе между образованиями”. Предусмотрены как гражданство БиГ, так и гражданство каждого образования, а также основные параметры его регулирования. Наряду с тем, что в числе Дейтонских соглашений имеется специальное Соглашение по правам человека и этой проблематике уделено особое внимание в Общем рамочном соглашении, весьма пространная статья, включающая перечень прав и свобод, содержится и в Конституции. В этой статье подчеркивается, что БиГ и оба образования обеспечивают “наивысший уровень международно признанных прав человека и основных свобод” и что права и свободы, закрепленные в Европейской конвенции

* Сама Конституция, однако, составлена не на языках этих народов, а только на английском, что, впрочем, характерно для всех Дейтонских соглашений, кроме Общего рамочного соглашения, которое составлено на боснийском, сербском, хорватском языках, а также на английском, причем каждый текст является равно аутентичным.

1950 года и Протоколах к ней, “имеют прямое действие в Боснии и Герцеговине” и “преимущественную силу относительно всех других норм права”. Конституционно закреплено, что БиГ “остаётся или становится участником международных соглашений, перечисленных в Приложении к Конституции”, называемом “Дополнительные соглашения о правах человека, которые должны применяться в Боснии и Герцеговине” (их указано в хронологическом порядке 15, начиная с Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. и кончая Рамочной конвенцией о защите национальных меньшинств 1994 г.).

В Конституции специально оговаривается, что никакие поправки к ней “не могут отменяться или ущемлять” права и свободы человека или изменять это запрещение.

Для Боснии и Герцеговины как государства закреплена система конституционных органов власти: Парламентская ассамблея из двух палат (Палата народов и Палата представителей); Президентство БиГ из трех членов (босниец, хорват, серб); Совет министров, председатель которого назначается Президентством, а министры — председателем, и все это требует утверждения Палаты представителей; Постоянный комитет по военным вопросам для координации деятельности вооруженных сил в БиГ, куда входят члены Президентства, а другие избираются ими; Конституционный суд; Центральный банк. В Конституции имеются небольшая статья о бюджете и финансах, а также статья, в которой, в частности, говорится о лицах, которыми занимался Международный трибунал для бывшей Югославии.

Согласно Дейтонским соглашениям, вся система представительных органов власти создается путем свободных, справедливых и демократических выборов, на организацию и проведение которых направлено Соглашение о выборах, подписанное тремя боснийскими сторонами. К настоящему времени уже сделаны важные шаги по его практическому осуществлению, в частности при проведении 14 сентября 1996 г. выборов Президентства БиГ. Однако соглашение продолжает представлять немалый интерес, и не только потому, что предстоит отложить муниципальные выборы, но и главным образом ввиду наличия в нем таких положений, которые обусловили весьма широкое и далеко идущее участие международных структур в регулировании и осуществлении избирательного процесса, что при нормальных обстоятельствах в суверенном государстве является сугубо внутренним делом.

Соглашение предусмотрело не только обязательства БиГ, МХФ и РС обеспечить наличие условий для свободных и справедливых выборов, в частности “политически нейтральную обстановку”, соблюдение права на тайное голосование “без страха и запугивания”,

свободу выражения мнения и свободу прессы, свободу ассоциаций, включая политические партии, и свободу передвижения, но и то, что в нем названо “ролью ОБСЕ”, а также соблюдение Копенгагенского документа этой организации, принятого на II сессии Конференции по человеческому измерению в 1990 году и приложенного к Соглашению о выборах в виде Дополнения.

К ОБСЕ в соглашении обращена просьба сторон разработать и осуществить программу выборов и наблюдать за их подготовкой и проведением. Речь идет о выборах Президентства БиГ, в ее Палату представителей, в Палату представителей МХФ, в Национальную ассамблею РС и, “если целесообразно”, — в кантональные законодательные и муниципальные органы управления. На ОБСЕ было возложено и создание, по просьбе сторон, Временной избирательной комиссии в составе главы миссии ОБСЕ в качестве председателя Комиссии, Высокого представителя (или назначенного им лица) и представителей сторон, а также лиц, членство которых председатель сочтет необходимым. Вообще его полномочия в Комиссии весьма авторитарны: в случае спора в Комиссии решение председателя “является окончательным”.

Весьма детально перечислены в соглашении функции Комиссии в отношении различных аспектов избирательного процесса; при этом предусмотрено и общее положение о том, что Комиссия принимает правила и положения о выборах, которые стороны обязаны полностью соблюдать, “независимо от любых внутренних законов и положений”.

По Конституции БиГ выборы должны проводиться с интервалами в установленное количество лет, и в соглашении сказано, что стороны согласились создать постоянную Избирательную комиссию для проведения будущих выборов в Боснии и Герцеговине.

В целом, явно стремясь подчеркнуть сугубо международный характер Временной избирательной комиссии, стороны наделили ее председателя “статусом, привилегиями и иммунитетами”, предусмотренными известной Венской конвенцией 1961 года о дипломатических сношениях.

В. Особый акцент на обеспечение в БиГ, МХФ и РС прав и основных свобод человека

Вопросам обеспечения прав человека посвящен не только целый ряд положений Конституции, о которых речь шла выше, но и, как уже указывалось, Соглашение по правам человека, заключенное между БиГ, МХФ и РС. Сюда же следует отнести и Соглашение о беженцах и перемещенных лицах.

С точки зрения общей направленности на обеспечение наивысшего уровня международно-признанных прав и свобод, определения самого их круга, равно как и в отношении подлежащих применению международных соглашений в этой области, между положениями первого из названных соглашений и положениями Конституции налицо полная идентичность, что создает особое правовое состояние сочетания конституционно-правовой и международной-правовой обеспеченности прав и свобод человека в БиГ и ее составных частях.

Новый и еще более усиливающий эту обеспеченность момент, который вносит соглашение, состоит в обязательстве боснийских сторон создать Комиссию по правам человека; Комиссия должна состоять из двух частей — Омбудсмена и Палаты по правам человека.

Что касается Омбудсмена, то стороны обязались признавать право “всех лиц” представлять ему, как, впрочем, и другим органам по правам человека, жалобы на нарушения прав человека.

Должность Омбудсмена создается сторонами, а конкретное лицо назначается на эту должность действующим Председателем ОБСЕ после консультаций со сторонами сроком на пять лет. Первые пять лет такое лицо не может быть гражданином БиГ или соседнего государства. Последующие назначения производятся Президентством.

Омбудсмену передаются Комиссией полученные ею жалобы на нарушения прав человека, кроме случаев, когда само жалующееся лицо адресует свою жалобу в Палату. Необходимые расследования Омбудсмен может предпринимать по своей инициативе либо в ответ на жалобы любой стороны или лица, или неправительственной организации, а также группы индивидов.

В соглашении зафиксированы далеко идущие функции и полномочия Омбудсмена в отношении доступа к материалам и воздействию на стороны.

Палата по правам человека состоит из 14 членов, 4 из которых назначает МХФ, 2 — РС, а остальных — Комитет министров Совета Европы (по консультации со сторонами и не из числа граждан БиГ или какого-либо соседнего государства), причем один из них назначается в качестве председателя Палаты. После пяти лет прерогатива назначения переходит к Президентству БиГ.

Палата получает от Омбудсмена, действующего от имени жалующегося, или напрямую от любой стороны или лица, либо неправительственной организации заявления о нарушениях “для принятия по ним резолюции или решения”. При рассмотрении жалоб приоритет предоставляется тем из них, в которых говорится

об особо серьезных или систематических нарушениях либо о дискриминации.

На любой стадии разбирательства Палата может попытаться содействовать “миролюбивому разрешению вопроса на основе уважения прав и свобод человека”. Решения Палаты принимаются большинством голосов, причем голос председателя является решающим.

Значительное место в соглашении отведено мониторингу ситуации с правами человека в БиГ со стороны международных структур, таких как Комиссия ООН по правам человека, ОБСЕ, Верховный комиссар по правам человека и др. “Полный и эффективный доступ” для целей расследования и наблюдения положения в области прав человека стороны обязаны предоставлять неправительственным организациям.

Предусмотренный соглашением режим сохраняется в силе в течение пяти лет. После истечения этого срока ответственность за дальнейшее функционирование Комиссии передается сторонами учреждениям БиГ, если стороны не договорятся об ином. В этом последнем случае Комиссия продолжает функционировать так, как предусмотрено в соглашении.

Как институт, имеющий непосредственное отношение к обеспечению прав человека в БиГ, привлекает к себе внимание концепция “мёр укрепления доверия”, которые стороны согласились принять, и притом “незамедлительно”. Эта концепция предусмотрена в Соглашении о беженцах и перемещенных лицах (БиГ, МХФ, РС). Стороны обязались продемонстрировать свою приверженность обеспечению полного уважения прав и свобод всех лиц, находящихся в пределах их юрисдикции, “и безотлагательному созданию условий для возвращения беженцев и перемещенных лиц”. Речь идет о таких мерах, как отмена законодательства и административной практики, имеющих дискриминационные цели или последствия; предотвращение и пресечение подстрекательства, в том числе через средства массовой информации, “к этническим и религиозной розни или ненависти”; распространение через СМИ предупреждений военным, полицейским и другим государственным служащим, а также частным лицам о недопустимости актов возмездия и немедленное пресечение таких актов; защита этнических групп или меньшинств, где бы они ни находились, и предоставление международным гуманитарным организациям и наблюдателям немедленного доступа к этим группам и меньшинствам; преследование, увольнение или перевод на другую службу военных, полицейских и лиц из государственных организаций, “ответственных за серьезные нарушения” основных прав лиц, принадлежащих к этническим группам или меньшинствам.

Стороны призвали Верховного комиссара по делам беженцев разработать в консультации с ними и со странами убежища план репатриации, который позволил бы осуществить “скорейшее, мирное, упорядоченное и поэтапное возвращение беженцев и перемещенных лиц”. Со своей стороны, БиГ, МХФ и РС согласились выполнять такой план “и привести в соответствие с ним свои международные соглашения и внутреннее законодательство”.

Соглашение предусматривает создание на территориях сторон благоприятных условий для возвращения и реинтеграции беженцев.

Международный Комитет Красного Креста, Программа развития ООН и другие соответствующие международные, национальные и неправительственные организации получили “полный и неограниченный доступ ко всем беженцам и перемещенным лицам”.

К каждому возвращающемуся лицу, которому было предъявлено обвинение в совершении преступления иного, чем “серьезное нарушение норм международного гуманитарного права”, или уголовного преступления, не имеющего отношения к данному конфликту, применяется амнистия.

В соответствии с соглашением учреждена Комиссия по беженцам и перемещенным лицам в составе десяти членов, из которых четырех назначает МХФ (двоих — на три года и двоих — на четыре), двоих — РС (одного — на три года и другого — на четыре). Президент Европейского суда по правам человека назначает остальных на пять лет, из них одного — в качестве председателя.

Комиссии вменено в обязанность рассматривать претензии о возвращении недвижимости в БиГ или о предоставлении справедливой компенсации за нее в отношении собственности, утраченной с 1 апреля 1992 г. Комиссия вправе издавать такие нормы и правила, совместимые с соглашением, которые могут быть необходимы для выполнения ее функций. В соглашении подробно изложена процедура рассмотрения претензий.

В рамках вопроса о правах человека остается сказать об обязательствах сторон в отношении Международного трибунала для бывшей Югославии. Каждая сторона согласилась выполнять любой приказ или распоряжение Трибунала об аресте, задержании, выдаче или доступе к лицам, которые в ином случае были бы освобождены или переданы, но которые обвиняются в нарушениях, подпадающих под юрисдикцию Трибунала. Каждая сторона должна задержать лиц, “разумно подозреваемых в таком нарушении”, на период времени, достаточный для проведения консультаций с Трибуналом.

Г. Осуществление “гражданских аспектов” мирного урегулирования

В комплексе Дейтонских соглашений этому вопросу посвящено специальное соглашение (наименование которого и вынесено в подзаголовок) между БиГ, СРЮ и Хорватией с участием также МХФ и РС, хотя, по сути дела, о гражданских — в смысле “невоенных” — аспектах урегулирования речь идет в большинстве рассматриваемых соглашений, кроме тех, которые посвящены аспектам военным. Гражданским аспектам посвящены, в частности, и еще не рассмотренные Соглашение о Специальных международных полицейских силах, Соглашение о Комиссии по охране национальных памятников и Соглашение об учреждении публичных корпораций Боснии и Герцеговины.

Собственно Соглашение о гражданских аспектах направлено на организацию боснийской внутренней жизни в постконфликтный период, в значительной степени под международным мониторингом и контролем. Общим образом в Соглашении о гражданских аспектах выражено согласие всех его пяти сторон, что осуществление постконфликтного уклада жизни потребует “широкого круга мер”, включающих продолжение усилий по оказанию гуманитарной помощи; восстановлению инфраструктуры и экономики; созданию политических и конституционных институтов в БиГ; обеспечению уважения прав человека и возвращения беженцев и перемещенных лиц; а также проведению свободных и справедливых выборов.

Как и при имплементации военных аспектов мирного урегулирования, центр тяжести в осуществлении гражданских мер перенесен на вовлекаемый в эту деятельность, а также создаваемый специально международный механизм. На вершине его пирамиды стоит Высокий представитель, назначенный по просьбе сторон согласно соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН. Целью учреждения этого международного механизма провозглашено облегчение предпринимаемых сторонами усилий, а также мобилизация и координация деятельности организаций и учреждений, участвующих в гражданских аспектах мирного урегулирования, путем осуществления задач, предусмотренных соглашением. Речь идет о его ст. II “Мандат и методы обеспечения координации и связи”, в которой сказано, что Высокий представитель следит за осуществлением мирного урегулирования; поддерживает тесные контакты со сторонами с целью осуществления всех его гражданских аспектов; координирует деятельность гражданских организаций и учреждений в БиГ, давая им по мере необходимости общие

указания; содействует устранению любых трудностей, возникающих в связи с осуществлением гражданских аспектов урегулирования; руководит деятельностью Комиссара Специальных международных полицейских сил. Характерной является обязанность Высокого представителя представлять доклады о ходе дел широкому кругу причастных к осуществлению соглашения: ООН, Евросоюзу, а также США, России и “другим заинтересованным правительствам, сторонам и организациям”.

В качестве средства обеспечения своеобразной опоры на боснийские круги Высокий представитель создает Совместную гражданскую комиссию в БиГ и председательствует в ней. Она включает старших политических представителей сторон и представителей тех гражданских организаций, участие которых Высокий представитель считает необходимым. В составе Комиссии предусмотрено также участие Командующего СВС или его представителей. При необходимости Высокий представитель может создать подчиненные ему совместные гражданские комиссии на местном уровне, а также другие гражданские комиссии “в пределах и вне пределов Боснии и Герцеговины”.

Предусмотрено тесное взаимодействие Высокого представителя с СВС. С ними он обязан поддерживать связь, обмениваться информацией и находиться в “тесном контакте” с их Командующим. Как уже указывалось, он должен быть представлен в Совместной военной комиссии.

В целом его доминирующая роль в осуществлении гражданских аспектов урегулирования выражается в том, что он “выносит окончательное решение на месте в отношении толкования” соглашения.

Поддержанию внутреннего правопорядка в БиГ с участием международных структур посвящено уже упоминавшееся Соглашение о Специальных международных полицейских силах, достигнутое между тремя боснийскими сторонами.

В соглашении предусмотрено их обязательство обеспечивать “безопасные и надежные условия для всех лиц под их соответствующей юрисдикцией путем содержания гражданских правоохранительных учреждений, действующих в соответствии с международно признанными нормами”. В целях получения помощи в выполнении своих обязательств стороны обратились с просьбой создать по решению Совета Безопасности Специальные международные силы ООН для осуществления предусмотренной соглашением программы помощи. Эти силы являются автономными при осуществлении своих функций, и для руководства ими Генеральным секретарем ООН в консультации с Советом Безопасности назначен Комиссар. Он получает указания от Высокого представителя. Ему и Генераль-

ному секретарю он должен периодически представлять доклады, а Командующему СВС и, по своему усмотрению, “другим институтам и учреждениям” — информацию.

Программа, которую Комиссар призван осуществлять, включает мониторинг, наблюдение и проверку правоохранительной деятельности и объектов в БиГ, в том числе судебных организаций, структур и процедур; консультирование сотрудников и сил правоохранительных органов, подготовку их персонала; содействие в осуществлении сторонами правоохранительной деятельности; оценку угроз общественному порядку и консультирование относительно способности правоохранительных органов справляться с такими угрозами; консультирование органов власти в БиГ относительно организации эффективных гражданских правоохранительных органов; оказание помощи их сотрудникам путем сопровождения их во время выполнения ими своих обязанностей, если это будет сочтено необходимым.

Если персонал международных полицейских сил получает достоверную информацию о нарушениях прав и свобод человека или о роли должностных лиц или подразделений правоохранительных органов в подобных нарушениях, он представляет такую информацию Комиссии по правам человека, Международному трибуналу по бывшей Югославии “или другим соответствующим организациям”.

О том, насколько далеко заходит международное участие в осуществлении управления повседневной жизнью БиГ, а также МХФ и РС как ее составляющих частей, свидетельствует и предпринятое в Дейтоне урегулирование путем соглашений таких сфер, как охрана национальных памятников и учреждение публичных корпораций Боснии и Герцеговины.

В Комиссии по этим вопросам из пяти членов каждые двое, включая председательствующих, назначаются, соответственно, Генеральным директором ЮНЕСКО и Президентом Европейского банка реконструкции и развития. Членам Комиссии по памятникам, не являющимся гражданами БиГ, предоставляются те же привилегии и иммунитеты, что и дипломатам. А ее функции состоят лишь в том, чтобы принимать решения по получаемым ею заявлениям об объявлении соответствующего объекта национальным памятником.

В Соглашении об учреждении публичных корпораций — оно, в отличие от предыдущего соглашения, заключено лишь между МХФ и РС, без участия БиГ, — речь идет о корпорациях, которые призваны управлять “совместными объектами общественного пользования”, такими как коммунальные предприятия, электростанции, почта и предприятия связи, “в интересах обоих образований”.

В соглашении определены основные параметры статуса транспортной корпорации, которая, как в нем сказано, может по решению сторон служить в качестве модели “для создания других совместных публичных корпораций”.

Как и на саму Комиссию, на транспортную и другие публичные корпорации возложена обязанность “в полной мере” сотрудничать со всеми организациями, участвующими в осуществлении мирного урегулирования или иным образом уполномоченными Советом Безопасности, включая Международный трибунал.

II. О международной правоспособности Республики Сербской и Мусульmano-Хорватской Федерации как entities в составе БиГ и о характере соглашений, заключенных с их участием

Как видно из Дейтонских соглашений, в заключении большинства из них приняли участие и стали их сторонами Республика Сербская и Федерация Боснии и Герцеговины — Мусульmano-Хорватская Федерация, причем сторонами Соглашения об арбитражном урегулировании и Соглашения о публичных корпорациях выступают только эти два образования; они также взяли на себя некоторые обязательства международного значения путем односторонних заявлений. С участием РС и МХФ заключено и большинство других соглашений, входящих в комплекс Дейтонских, в том числе и такое рассчитанное на длительный период и имеющее кардинальное значение для мирного развития отношений в регионе, как Соглашение о стабилизации. Только сторонами Общего рамочного соглашения и Соглашения о его парафировании эти образования не являются.

В совокупности это свидетельство того, что на переговорах в Дейтоне за образованиями признавалась определенная международная правоспособность. Основанием для такого подхода являлось то, что Республика Сербская в период конфликта осуществляла контроль за определенной территорией и как бы имела правительство *de facto*, а МХФ, хотя и не могла рассматриваться в качестве такового, тем не менее имела “персонал и организации в Боснии и Герцеговине под ее контролем”.

Правда, в отличие от МХФ, которая на переговорах имела собственного представителя, парафировавшего и подписывавшего соответствующие соглашения, Республика Сербская выступала через Президента Сербии (составная часть СРЮ) С. Милошевича, возглавлявшего делегацию СРЮ. Это основывалось на соглашениях

от 29 августа 1995 г., по которому делегация СРЮ была уполномочена подписать “от имени Республики Сербской части мирного плана в отношении нее с обязательством строго и последовательно выполнять достигнутое соглашение”. В Общем рамочном соглашении эта договоренность 1995 года была принята к сведению*.

В свете принятой в Дейтоне Конституции БиГ возникает вопрос, в какой мере РС и МХФ сохранят и в дальнейшем элементы той международной правоспособности, которая выявилась в ходе дейтонской стадии мирного урегулирования.

Для ответа на этот вопрос следует прежде всего рассмотреть конституционные положения о разграничении сфер ведения между БиГ как таковой и ее составными частями — РС и МХФ.

В Конституции предусмотрено, что сферой компетенции “институтов Боснии и Герцеговины” являются внешняя политика; политика в области внешней торговли; таможенная политика; денежно-кредитная политика; финансирование обязательств и международных обязательств БиГ; политика и регулирование в области иммиграции, беженцев и убежища; “обеспечение соблюдения уголовного законодательства на международном уровне и на уровне образований, включая отношения с Интерполом”; создание и эксплуатация общих и международных средств связи; регулирование транспортного сообщения между образованиями; управление движением воздушного транспорта.

В компетенцию Президента БиГ входит проведение внешней политики; назначение послов и других представителей БиГ; представительство БиГ в международных и европейских организациях и вступление в такие организации, членом которых она не является; проведение переговоров, денонсация и, с согласия Парламентской ассамблеи, ратификация договоров Боснии и Герцеговины; координация, по мере необходимости, деятельности с международными и неправительственными организациями в БиГ, а также ряд других прерогатив.

Каждое образование “оказывает всю необходимую помощь” правительству БиГ, с тем чтобы последнее могло соблюдать международные обязательства сторон.

Общий принцип разграничения сфер ведения, зафиксированный в Конституции, состоит в том, что все функции и полномочия,

* В одном из входящих в комплекс Дейтонских соглашений документов по поводу открытия регулярного железнодорожного сообщения с Хорватией сербский Президент С. Милошевич пишет, что он обращается к А. Изетбеговичу “в качестве главы” совместной делегации Союзной Республики Югославии и Республики Сербской, но такое качество в Дейтоне не получило признания.

прямо не возложенные Конституцией на институты БиГ, “выполняют образования”; они “выполняют решения институтов Боснии и Герцеговины”.

В Конституции нашли свое выражение элементы ограниченной международной правоспособности образований. Эти элементы можно резюмировать следующим образом:

— образования “имеют право устанавливать особые, параллельные отношения с соседними государствами”, сообразуясь с суверенитетом и территориальной целостностью БиГ; вопрос о том, совместимо ли решение РС и МХФ установить такие отношения с Конституцией, относится к исключительной юрисдикции Конституционного суда БиГ;

— каждое образование с согласия Парламентской ассамблеи может заключать соглашения с государствами и международными организациями; в законодательном порядке Ассамблея может установить, что некоторые виды соглашений не требуют такого согласия *;

— образования обеспечивают безопасные и надежные условия для всех лиц, находящихся под их соответствующей юрисдикцией;

— жители образований могут иметь гражданство соответствующего образования при условии, что все такие граждане являются тем самым гражданами БиГ; защита граждан БиГ за рубежом осуществляется ее учреждениями; каждое образование может, однако, выдавать паспорта БиГ своим гражданам.

Следует отметить, что в отношениях между образованиями действует принцип неприменения силы, аналогичный тому, который применяется в межгосударственных отношениях: никакое образование не должно угрожать или использовать силу против другого образования и, как уже указывалось, «ни при каких обстоятельствах любые вооруженные силы какого-либо образования не могут вступать или находиться в пределах территории другого образования без согласия правительства последнего и Президентства» БиГ.

В целом рассмотренные элементы ограниченной международной правоспособности Республики Сербской и Мусульмано-Хорватский Федерации, как они выражены в Конституции БиГ, свидетельствуют о том, что каких-либо существенных изменений

* Конституция урегулировала и вопрос о договорах, заключенных до ее принятия: любой договор, ратифицированный БиГ между 1 января 1992 г. и датой вступления в силу Конституции, должен быть доведен до сведения членов Президентства БиГ в течение 15 дней с момента их вступления в должность. Не доведенный таким образом до сведения договор подлежит денонсации.

по сравнению с тем, что имело место в процессе заключения Дейтонских соглашений, не наблюдается.

В свете такого рода ограниченной международной правоспособности встает и вопрос о том, в какой степени два заключенных ими между собой упомянутых соглашения могут быть отнесены к категории международных договоров, если учесть, что согласно Венской конвенции о праве договоров 1969 года таковыми являются лишь соглашения между государствами.

Ряд моментов, свойственных двум соглашениям, позволяет рассматривать их как сближающихся по своему характеру с международными договорами, регулируемые Венской конвенцией.

В Соглашении РС и МХФ об арбитраже речь идет о согласии этих двух образований выполнять обязательства, предусмотренные в Согласованных основных принципах, принятых БиГ, Хорватией и СРЮ 8 сентября 1995 г.; в частности, имеются в виду «взаимные обязательства» «использовать процедуру обязательного арбитража для разрешения споров между ними» и вообще разработка и внедрение «системы арбитража для разрешения своих споров». Очевидно, что в том смысле и контексте, о котором в соглашении говорится об арбитраже, содержащаяся в нем договоренность сближает соглашение не государств с межгосударственным договором.

Что касается Соглашения о публичных корпорациях, то, хотя оно, по существу, касается сугубо внутренних вопросов жизнедеятельности РС и МХФ, для него характерно, что его осуществление предполагает участие таких международных структур, как Европейский банк реконструкции и развития и привнесение в созданную по соглашению Комиссию по публичным корпорациям элементов, свойственных именно международным договорам, таких как обязательство сторон и Комиссии сотрудничать с организациями, участвующими в осуществлении мирного урегулирования или иным образом уполномоченными Советом Безопасности, включая Международный трибунал для бывшей Югославии.

Вопрос о том, в какой мере могут считаться международными соглашения, возникает и применительно к договоренностям, заключенным между БиГ, МХФ и РС как ее составными частями. Далеко идущие вовлечение и осуществление этих соглашений различного рода существующими международными структурами да и структурами, по существу международного характера, которые создаются соглашениями, дают основания для ответа на этот вопрос в том плане, что в значительной мере эти соглашения могут считаться таковыми. И это можно отнести к такой договоренности, как Соглашение о Комиссии по охране национальных памятников, в определении состава которой задействован, как уже указывалось,

Генеральный директор ЮНЕСКО, а также целому ряду других соглашений, даже к такому, как Соглашение о военных аспектах мирного урегулирования — этому стержневому, «головному», если можно так выразиться, соглашению всего дейтонского комплекса. В отношении вовлечения в его осуществление международных структур—субъектов международного права оно идет дальше, предусматривая обращение даже к Совету Безопасности ООН и вовлекая в его реализацию НАТО и его членов и определяя роль других государств в осуществлении военных аспектов соглашения таким образом, что они «могут оказывать помощь», а также входить в состав СВС, что и сделано на практике многими государствами, включая Россию.

Такого рода весьма широким обращением к практике создания прав и обязательств для третьих сторон (государств и международных организаций и органов) — разумеется, с их согласия — Дейтонские соглашения, как, впрочем, и ряд предшествовавших им договорных урегулирований применительно к другим районам мира, включая некоторые страны СНГ, выявлена довольно устойчивая тенденция к тому, чтобы в качестве международных договоров или во всяком случае «парамеждународных» рассматривались и договоренности, достигнутые с участием различного рода entities, которые в той или иной мере выражают готовность действовать в такого рода случаях как государства, в особенности в отношении соблюдения договоренностей.

Говоря о РС и МХФ, Р. Холбрук, сыгравший свою, хотя и неоднозначную, роль в генерировании и развертывании дейтонского процесса, назвал одну из них «парагосударством»⁷.

Может быть, в этом не получившем пока прав гражданства определении новых субъектов урегулирования военных конфликтов с их участием на международной основе можно усматривать квинт-эссенцию того парастатуса, который за ними мог бы признаваться, разумеется, на основании соглашения или с иного согласия вовлеченных или заинтересованных государств как полнокровных субъектов международного общения и международного права.

III. Обеспечение соблюдения и выполнения Дейтонских соглашений.

Вопрос о гарантиях и гарантиях

Для Дейтонских соглашений характерно особое внимание к вопросам их соблюдения и выполнения, и в этом отношении при ближайшем рассмотрении также обнаруживается немало своеобразных моментов с точки зрения международного договорного права.

Следует прежде всего отметить, что наряду с соглашениями, касающимися существа урегулирования, была достигнута специальная договоренность о порядке заключения и вступления в силу этих соглашений.

В день завершения дейтонской встречи, 21 ноября 1995 г., БиГ, СРЮ и Хорватия подписали особое Соглашение о парафировании Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине, предусматривавшее обязательство сторон и образований подписать эти соглашения, что, «таким образом, определит их вступление в силу и дату, начиная с которой эти соглашения будут практически осуществляться». В соглашении далее говорилось, что парафирование каждого пакета Рамочного соглашения и приложенных к нему договоренностей «настоящим является сегодня выражением согласия сторон и образований, которые они представляют, взять на себя обязательства в соответствии с этими соглашениями». За актом парафирования был, следовательно, признан обязывающий БиГ, СРЮ, Хорватию, а также РС и МХФ характер.

Еще один дейтонский документ — Заключительное заявление участников непрямых переговоров о мире в Боснии и Герцеговине, как официально называлась конференция в Дейтоне, — констатирует, что 20 ноября 1995 г. Президент Изетбегович за Республику Боснию и Герцеговину, Президент Туджман за Республику Хорватию, Президент Милошевич за Союзную Республику Югославию и Республику Сербскую и Президент Зубак за Федерацию Боснии и Герцеговины парафировали Рамочное соглашение и Приложения к нему, и заявляет, что тем самым они признали парафированные документы “в качестве окончательных” и продемонстрировали “свое согласие быть связанными ими”.

Как уже указывалось, основной пакет Дейтонских соглашений, охватываемых Рамочным документом, вступил вместе с ним в силу с момента подписания и, таким образом, наступила стадия их выполнения, необходимость чего подчеркнуто акцентируется в самих соглашениях, особенно в Рамочном, применительно почти к каждому из охватываемых им соглашений. В частности, в Рамочном соглашении стороны приветствуют и одобряют достигнутые договоренности в отношении военных аспектов мирного урегулирования и аспектов стабилизации в регионе; стороны “полностью соблюдают” взятые по Соглашению о военных аспектах обязательства “и способствуют их выполнению” и “полностью соблюдают свои обязательства” по Соглашению о стабилизации.

Стороны также приветствуют и одобряют достигнутые договоренности в отношении осуществления мирного урегулирования, включая, в частности, договоренности в отношении гражданских аспектов и Специальных международных полицейских сил; «сто-

роны в полной мере соблюдают взятые в них обязательства и содействуют их выполнению». Подобное обязательство сторон акцентируется, с небольшими различиями во фразеологии, применительно и к другим конкретным договоренностям, изложенным в Приложениях.

О договоренностях по вопросам прав человека и беженцев в Рамочном соглашении сказано более развернуто и в том плане, что стороны «будут полностью соблюдать»: а) положения, содержащиеся в главе I соглашения по этому вопросу, озаглавленной «Права беженцев и перемещенных лиц».

О соблюдении договоренностей относительно создания различных органов, которые призваны заниматься вопросами их применения, в Рамочном соглашении говорится особо. Речь идет об Арбитражном трибунале, Комиссии по правам человека, Комиссии по беженцам и перемещенным лицам, Комиссии по охране национальных памятников, Комиссии по публичным корпорациям. «Стороны будут полностью соблюдать и содействовать выполнению обязательств», взятых по этим договоренностям, указывается в соглашении. Интересно, что в вышеупомянутом перечне не значится ряд органов, в частности Совместная военная комиссия, Временная избирательная комиссия, Совместная гражданская комиссия.

Таким образом, обязанность выполнять заключенные соглашения установлена самими же соглашениями самым безусловным образом. При этом, как уже указывалось, Рамочное соглашение предусматривает обязательство СРЮ и Хорватии также способствовать или содействовать выполнению соглашений, что является одним из изначальных проявлений обеспечения их выполнения.

Применительно к Соглашению о военных аспектах урегулирования и Соглашению о разграничительной линии между МХФ и РС, заключенным БиГ и этими образованиями, СРЮ и Хорватия поставили под соглашениями свои подписи в знак того, что они «одобрили» (endorsed) эти соглашения. В результате выполнение этих соглашений оказалось как бы более обеспеченным, чем выполнение других, благодаря обязательствам, взятым СРЮ и Хорватией по отношению к державам Контактной группы, ибо термин «endorsed» фигурирует и в Рамочном соглашении, в силу которого его стороны, включая СРЮ и Хорватию, обязались соблюдать соглашения и содействовать их выполнению.

Возникает, конечно, вопрос: почему при наличии этого обязательства, относящегося ко всем соглашениям, изложенным в Приложениях к Рамочному, СРЮ и Хорватия еще специально поддержали названные два?

Это связано с тем, что их обязательства применительно ко всем соглашениям взяты, строго говоря, лишь в отношении Боснии и

Герцеговины. Дело, надо полагать, и в том, что МХФ и РС непосредственно сторонами Рамочного соглашения не являются, хотя и некорректно утверждать, что для них оно является *resinler alios* акта. Специально одобрив названные два соглашения, в которых эти два образования участвуют, СРЮ и Хорватия тем самым взяли на себя и в отношении этих двух образований обязательство обеспечить соблюдение названных соглашений.

Более того, по отношению к третьим странам СРЮ и Хорватия вообще обязались гарантировать выполнение двух указанных соглашений.

Министр иностранных дел СРЮ Милутинович в идентичных письмах, направленных министрам иностранных дел России, США, Англии, Франции, Германии, ссылаясь на Соглашение о военных аспектах и Соглашение о разграничительной линии и заявляя, что СРЮ «одобрила оба эти соглашения», дает заверение в том, что «Союзная Республика Югославия примет все необходимые меры, сообразуясь с суверенитетом, территориальной целостностью и политической независимостью Боснии и Герцеговины, для обеспечения того, чтобы Республика Сербская полностью уважала и соблюдала положения вышеупомянутых соглашений»*. Аналогичное заверение было выражено в письмах министра иностранных дел Хорватии М. Граница на имя министров иностранных дел названных держав, в том что касается «персонала или организаций в Боснии и Герцеговине, находящихся под ее контролем или влиянием».

Тогда же в письмах на имя Генерального секретаря ООН и на имя исполняющего обязанности Генерального секретаря НАТО министры иностранных дел СРЮ и Хорватии, каждый от имени своей страны, ссылаясь на Соглашение о военных аспектах, дали отдельные заверения ООН и НАТО в том, что его страна «будет строго воздерживаться от введения в Боснию и Герцеговину или сохранения в ней каким-либо иным образом присутствия любых вооруженных сил или другого персонала с военными потенциалом».

* Следует отметить, что в комплексе дейтонских документов имеется обращение «делегации Республики Сербской» к Президенту С. Милошевичу — главе делегации СРЮ, в котором, в частности, сказано, что, поскольку в ряде подготовленных для принятия документов содержится просьба о том, чтобы Союзная Республика Югославия стала гарантом обязательств, которые берет на себя Республика Сербская в рамках мирного процесса, «мы просим Вас взять на себя от имени Союзной Республики Югославии роль гаранта того, что Республика Сербская выполнит все принятые ею обязательства».

П. Гаэта называет все это «гипертрофией международных гарантий» со стороны СРЮ и Хорватии, усиленной Советом Безопасности в резолюции 1022 от 22 ноября 1995 г.⁸

В этой резолюции, принятой на другой день после парафирования Дейтонских соглашений, подчеркивается «необходимость для всех сторон полностью соблюдать все положения мирного соглашения», а далее, предусмотрев приостановление санкций против СРЮ и РС, Совет Безопасности оговаривает, что если в своих сферах ответственности Высокий представитель или Командующий СВС на основе доклада, переданного через надлежащие инстанции, информируют Совет Безопасности через Генерального секретаря ООН, что СРЮ или власти боснийских сербов «в значительной мере не выполняют свои обязательства по мирному соглашению», приостановление санкций прекратится, если Совет не решит иначе, «принимая во внимание характер необходимости»⁹.

Вопрос, конечно, состоит в том, что с отменой санкций против СРЮ и боснийских сербов все эти решения Совета Безопасности также отпадают. Однако, как бы ни интерпретировать последствия отмены санкций, остается очевидным, что примерно в течение года с момента заключения Дейтонских соглашений и принятия резолюции 1022 Совета Безопасности Совет оставался гарантом этих соглашений. В силу резолюция 1031 эта роль в определенной мере остается за ним и сейчас.

Каково же в таком случае значение, с точки зрения обеспечения соблюдения и выполнения Дейтонских соглашений, засвидетельствования их заключения со стороны держав Контактной группы и Евросоюза?

Следует прежде всего отметить, что в отличие от того, что имело место при подписании, в порядке засвидетельствования, Соединенными Штатами Кэмп-Дэвидских соглашений 1978 года и вашингтонского Мирного договора между Египтом и Израилем 1979 года, засвидетельствование державами Контактной группы заключения Дейтонских соглашений не означает принятия этими державами правовых обязательств по обеспечению соблюдения соглашений. На этом основании некоторые аналитики считают, что такое засвидетельствование имеет только «политическую значимость»¹⁰.

Однако такого рода засвидетельствование Дейтонских соглашений со стороны пяти крупных держав и Евросоюза выражает не только их причастность к заключению соглашений, но и правовое закрепление их заинтересованности и известной ответственности за проведение соглашений в жизнь. Это подтверждается фактом создания уже упоминавшегося международного механизма в виде

Совета по реализации мирных соглашений, в который входят государства Контактной группы, а также БиГ, СРЮ и Хорватия, равно как и вовлеченные в осуществление соглашений международные структуры, включая ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО, ОИК, МБПР, МВФ и др. В качестве рабочего органа этого Совета создан Руководящий комитет, состоящий из представителей стран «восьмерки», а также страны—председателя ЕС, представителей Еврокомиссии и ОИК¹¹.

Следует отметить, что страны «восьмерки» на встрече в Лионе определили свою роль в обеспечении выполнения Дейтонских соглашений. Руководители этих стран, заявив, что подтверждают свою поддержку соглашениям, подчеркнули, что «главная ответственность за выполнение мирного соглашения возлагается на различные общины и их руководство».

Державы «восьмерки» указали и на последствия несоблюдения соглашений. Как сказано в лионском документе, несоблюдение со стороны общин и руководства соглашений или отсутствие с их стороны активного участия не позволит им рассчитывать на то, что мировое сообщество и крупнейшие страны-доноры возьмут на себя основную нагрузку по восстановлению страны. Экономическая помощь должна предоставляться всем сторонам в Боснии и Герцеговине «соразмерно соблюдению ими мирного процесса». Напомнив о резолюции 1022 Совета Безопасности ООН, включая ее положения о санкциях, державы «восьмерки» выразили свою готовность «рассмотреть вопрос о применении инструментов санкций по отношению к любой стороне мирного соглашения»¹².

Все охарактеризованные выше решения и акции весьма далеко выходят за рамки предоставления третьими странами и международными структурами традиционных гарантий соблюдения и выполнения соглашений. По существу, они представляют собой нечто более широкое и значимое, чем такого рода гарантии. Если, однако, придерживаться этого понятия, то следует говорить о многоуровневых, многомерных комплексных гарантиях со стороны государств и международных структур, о гарантиях, представляющих собой систему мер, включающих также контроль и оказание содействия в выполнении соглашений. При этом ни одно из государств или международных структур не может рассматриваться в качестве монопольного обладателя ампула гаранта, но и взятые все вместе как государства, так и международные структуры не нивелируют индивидуального вклада каждого участника этой системы гарантий.

¹ *Иванов И.С.* Что удалось добиться в Дейтоне//Дипломатический вестник. — 1995. — № 12. — С. 22.

² Здесь и далее цитаты из Дейтонских соглашений, включая Конституцию Боснии и Герцеговины, приводятся по документу ООН A/50/790-S/995/999 от 30 ноября 1995 г., содержащему официальный текст Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине и Приложений к нему (в совокупности именуемых «Мирным соглашением»).

³ Resolutions and Statements of the Security Council. — 1995. — P. 100.

⁴ О Хорватии см. *Soskia Hille*. Mutual Recognition of Croatia and Serbia (Montenegro)//European Journal of International Law. — Vol. 7. — № 2. — 1996. — P. 5—7.

⁵ Resolutions and Statements... — P. 87.

⁶ The Role NATO in the Peace Agreement for Bosnia and Herzegovina //European Journal of International Law. — P. 155.

⁷ *Р. Холбрук*. Боснийские выборы окончатся Дейтоном-2//Сегодня. — 1996. — 11 сент.

⁸ *Paola Gacta*. The Dayton Agreements and International Law//European Journal of International Law. — Vol. 7. — № 2. — 1996. — P. 155.

⁹ Resolutions and Statements... — P. 86.

¹⁰ *Paola Gacta*. Op. cit. — P. 153.

¹¹ Дипломатический вестник. — 1996. — № 1. — С. 18.

¹² Там же. — 1996. — № 7. — С. 13—14.

Статья получена редакцией в декабре 1996 г.